

В середине мая небо было прозрачным, словно вымытым, и солнечный свет, пробиваясь сквозь огромные панорамные окна, заливал гостиную роскошной виллы, делая её просторной и прозрачной.

Наверху, на втором этаже, планировка оказалась не совсем обычной. Прямо у лестницы коридор расходился в две стороны: с одной — просторная гостиная и комната 202, с другой — две двери, напротив друг друга, 201 и 203.

— Юэ-ге, Чжан-лаоши, я пошёл! — весело махнул рукой Е Циньлань, почти вприпрыжку юркнув в свою комнату.

Он закрыл дверь почти бегом — находиться между этими двумя людьми было испытанием само по себе.

В коротком коридоре Чжан Хуайсю шёл первым. Его спина была пряма, движения собранные, а высокий затылок и изящная линия шеи только подчёркивали отчуждённость. И не малейшего намёка на то, что он собирается обернуться и перекинуться парой слов.

Режиссёр Хэ, человек мягкий к своим участникам, ещё до начала съёмок предупредил: есть зоны, где нет ни камер, ни микрофонов. Этот коридор был одной из них.

В конце его — огромная раздвижная стеклянная дверь. За тонкой сеткой шевелилась прозрачная занавесь, ветер тихо касался её, принося запах нагретого солнцем воздуха.

Цун Цзиньюэ небрежно опёрся плечом о стену, скрестив руки на груди. Весь его вид излучал ленивое спокойствие. Он наблюдал, как мужчина напротив наклоняется, чтобы вставить ключ, и как закатанные рукава обнажают сухие, сильные предплечья.

Замок щёлкнул. Свет из комнаты упал на лицо Чжан Хуайсю, обрисовав его чёткий профиль, густые ресницы и линию губ.

Наверное, взгляд Цуна оказался слишком прямым — невозможно было не почувствовать его на себе. Мужчина остановился, медленно повернул голову, чёрные глаза холодно встретили его взгляд.

— Что-то нужно? — спросил он ровно.

— Если честно, Чжан-лаоши, — Цун распрямился и впервые убрал улыбку с лица, — у вас отвратительный запах духов. Серьёзно. Пора бы сменить.

Ветер доносил лёгкий оттенок сандала, пряный, густой, почти удушающий. Цун невольно поморщился. Он и правда не выносил этот аромат — было в нём что-то горькое, сухое, как будто сам человек, носивший его, пропитался усталостью.

— Ты закончил? — глухо бросил Чжан. — Не кажется ли тебе, что ты суёшь нос куда не просят?

Гнев в его голосе поднимался волной.

— И потом, — добавил он, — твой вкус, кажется, тоже не безупречен.

Он хотел просто тихо отработать съёмку, но нет — этому человеку обязательно надо было всё испортить.

Вне камер это был настоящий Цун Цзиньюэ — всё тот же, что и раньше: заносчивый, дерзкий, уверенный, будто мир крутится вокруг него.

Слова Чжана упали тяжело, с намеренным нажимом. У них было мало общих воспоминаний, и все — болезненные. И Цун сразу понял, к чему тот клонит.

Между ними повисла тишина, холодная, плотная, как натянутая струна.

«Ударить врага — самому кровью захлебнуться», — подумал он с сухой усмешкой.

И вдруг, будто не выдержав, коротко рассмеялся.

— Ты прав, — сказал Цун, глядя прямо в глаза, — у нас обоих тогда был ужасный вкус.

Как же забыть, что мы когда-то были соперниками в любви? И ведь умудрились влюбиться в одного и того же идиота, ещё в университете.

...

В комнате 201 Цун бросил чемодан у кровати и стал бездумно разбирать вещи. От словесной перепалки легче не стало — наоборот, будто всё внутри потяжелело.

На телефоне всплыли сообщения от Мэн Лань: длинные инструкции, как использовать реалити-шоу, чтобы восстановить репутацию и создать «позитивный образ». Цун мельком глянул и тут же погасил экран.

Шоу скучно.

Жизнь — тоже.

В углу он заметил маленькую дверь, ведущую на балкон. Из любопытства открыл. И замер.

Это был не просто балкон, а целый сад на крыше: зонты от солнца, диваны, плетёные кресла, гамак, торшеры, горшки с зеленью — всё утопало в свежей листве.

И тут — звук открывающейся двери с другой стороны.

Цун повернулся. Оказалось, у балкона было три выхода: центральный — стеклянная дверь из гостиной, и два боковых — из комнат 201 и 203.

Из 203 как раз выходил Чжан Хуайсю.

На мгновение их взгляды встретились.

Вот уж не ждал.

Выражение его лица было почти комичным: лёгкий ступор, растерянность, мгновенная досада. Он молча развернулся и ушёл обратно, хлопнув дверью.

Цун невольно усмехнулся.

Кто вообще проектировал этот дом? Гений.

От воспоминания о мимолётной сцене стало чуть легче на душе.

Наверное, у него и правда странные вкусы — ему нравилось выводить того из себя.

Он тихо рассмеялся, поднял взгляд — и увидел в углу балкона камеру. Объектив был направлен прямо на него.

— ...

Мгновенно сменив выражение лица, Цун расплылся в безупречной улыбке, подмигнул и сказал:

— Похоже, судьба всё же решила, что у нас с Чжан-лаоши особая связь.

Ну что ж, скучно теперь не будет.

К тому времени все вновь собрались внизу. Цун выглядел так же спокойно, как и прежде.

Режиссёр Хэ объявил первое задание: разделиться на группы и приготовить обед.

На просторной кухне уже сгруппировались Ци Янь, Сун Юфэй и Цзи Шинянь.

А трое, оставшихся поодаль, образовали невидимый треугольник напряжения.

— Тогда... — Е Циньлань неуверенно посмотрел на Цуна, — Юэ-ге, давай вместе? Что будем готовить? Я немного умею жарить овощи.

Цун пришёл на шоу не ради веселья — ему нужны были деньги и публичность. Всё остальное его не интересовало.

Он уже хотел найти момент, чтобы поговорить с Е Циньлань откровенно, но взгляд случайно зацепил фигуру у стойки. Чжан Хуайсю стоял у ножей, сосредоточенный, спокоен.

Цун улыбнулся, с видимым дружелюбием:

— Чжан-лаоши, присоединяйтесь к нам? Мы ведь старые знакомые, почему бы не вспомнить прошлое?

Не стоит притворяться, будто мы знакомы, — холодно подумал Чжан, поднимая глаза.

Взгляд у него был ледяной, но ровный.

Е Циньлань неловко замер, не зная, как сгладить паузу.

— Не нужно, — сухо ответил Чжан. — У меня социальная фобия. Лучше поработаю с кастрюлями.

— А? — Цун даже моргнул.

— Готовь что хочешь, — отрубил тот.

— Чжан-лаоши боится, что я украду его секреты? — усмехнулся Цун.

Но тот уже отвернулся, занявшись рыбой.

Е Циньлань торопливо схватил Цуна за руку:

— Давайте просто начнём! Я ужасно голоден! А если Чжан-лаоши понадобится помощь — мы рядом!

На это Чжан только коротко кивнул.

...

Кухня постепенно ожила.

Сун Юфэй нарезал картошку, и ломтики становились всё толще, пока не превратились в нечто, напоминающее картошку фри. Ци Янь восхищённо похвалил:

— Креативно!

Тем временем Чжан Хуайсю работал у мойки. Завязав фартук, он двигался спокойно, чётко, будто каждая деталь у него под контролем. Казалось, даже воздух вокруг него чище.

Он промывал рыбу снова и снова, пока не был уверен, что она идеальна, потом осторожно опустил филе в сковороду.

Масло зашипело. В воздухе всплыл тёплый, аппетитный аромат. Рыбья кожа быстро стала золотистой и хрустящей.

— Боже, как вкусно пахнет! — восхитился Сун. — Чжан-лаоши, да вы настоящий мастер!

— Согласен, — поддакнул Ци Янь.

Все взгляды обратились к Чжану, а тот лишь вежливо улыбнулся и перевернул рыбу.

В другом углу Цун Цзиньюэ нарезал говядину. Лезвие касалось доски с ритмичным звуком — каждый ломтик был идеально ровен, тонкий, почти прозрачный.

— Юэ-ге! — Е Циньлань восторженно смотрел. — Какая филигранная работа!

Он поднял один ломтик, поднёс к свету — тот сиял, как лепесток.

Теперь внимание переключилось на Цуна.

— А, это... — небрежно сказал он, — несколько лет назад я играл су-шефа. Сцены снимались без дублей, приходилось тренироваться по восемь часов в день. За три месяца натренировался до судорог. Даже снились ножи и морковь.

Он рассмеялся, покачал запястьем. — Теперь при виде доски у меня условный рефлекс.

Под камерой его улыбка выглядела безупречно. Всё, что он говорил, было правдой, но говорил он это не просто так. Он прекрасно знал, как выглядит его образ на экране.

— Вот это профессионал! — восторженно сказала Е Циньлань. — Мне бы так учиться у Юэ-ге!

— Я, кстати, немного разбираюсь и в молекулярной кухне, — с ленивой усмешкой добавил Цун. — Да и во французской подаче. Жаль, ингредиентов нет — не покажу. Что, кому помочь порезать?

...

Чжан Хуайсю презрительно хмыкнул, глядя в булькающий соус.

Показушник.

Учился красиво — но не для дела.

Всё, что он делает, — чтобы выглядеть эффектно.

А ведь готовиться к роли — это норма. Не подвиг. Зачем так играть на камеру?

Вспомнив его ухмылку в коридоре, Чжан мысленно скривился:

Торгует лицом. И не без успеха, видимо.

— Соль, — спокойно напомнил Цзи Шинянь, протягивая баночку.

Чжан молча взял, коротко кивнул и закончил блюдо.

Через минуту на тарелке лежала идеальная золотистая треска.

Рыба (мысленно): Что я тебе сделал?..

<http://bllate.org/book/12072/1079541>